

2023, № 03 (март)

Раздел 5.8. Педагогика (13.00.00 Педагогические науки)

ART 231015

DOI 10.24412/2304-120X-2023-11015

УДК 377.131.14

Анализ культурного параметра «маскулинность/фемининность» в системе кросс-культурной дидактики

Analysis of the cultural parameter "masculinity / femininity" in the system of cross-cultural didactics

Авторы статьи

Давыдова Наталья Васильевна,
кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой русского языка ФГКВООУ ВО «Военная академия связи имени Маршала Советского Союза С. М. Буденного» Министерства обороны Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
natalia-spb11@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4001-9641

Давыдов Никита Александрович,
аспирант ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна», г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
davydow.nikita@mail.ru
ORCID: 0009-0001-8900-3261

Authors of the article

Natalya V. Davydova,
Candidate of Pedagogical Sciences, Head of the Russian Language Department, Military Academy of Communications, St. Petersburg, Russian Federation
natalia-spb11@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4001-9641

Nikita A. Davydov,
Postgraduate Student, St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, St. Petersburg, Russian Federation
davydow.nikita@mail.ru
ORCID: 0009-0001-8900-3261

Конфликт интересов

Конфликт интересов не указан

Conflict of interest statement

Conflict of interest is not declared

Для цитирования

Давыдова Н. В., Давыдов Н. А. Анализ культурного параметра «маскулинность/фемининность» в системе кросс-культурной дидактики // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2023. – № 03. – С. 46–60. – URL: <https://e-koncept.ru/2023/231015.htm>. DOI 10.24412/2304-120X-2023-11015

For citation

N. V. Davydova, N. A. Davydov, Analysis of the cultural parameter "masculinity / femininity" in the system of cross-cultural didactics // Scientific-methodological electronic journal "Koncept". – 2023. – No. 03. – P. 46–60. – URL: <https://e-koncept.ru/2023/231015.htm>. DOI: 10.24412/2304-120X-2023-11015

Поступила в редакцию <i>Received</i>	29.01.23	Получена положительная рецензия <i>Received a positive review</i>	27.02.23
Принята к публикации <i>Accepted for publication</i>	27.02.23	Опубликована <i>Published</i>	31.03.23

Аннотация

Статья посвящена актуальным вопросам обучения иностранных военных специалистов в вузах Министерства обороны Российской Федерации, которое в условиях нарастания конфликтного потенциала в мире представляется важнейшим направлением военно-технического сотрудничества России с дружественными странами. Одной из проблем профессиональной подготовки иностранных военнослужащих является несовпадение культурно обусловленных стилей обучения всех субъектов образовательного процесса. Авторы прослеживают влияние культурного параметра «маскулинность/фемининность» на национальные образовательные практики иностранных обучающихся и выявляют его симптомы в культурно разнородной среде российского военного вуза. В статье рассматриваются различные подходы к интерпретации бинарной оппозиции «маскулинность/фемининность» в исторической ретроспективе и значение данного конструкта в современной науке. Целью статьи явилось сравнительное исследование дидактического аспекта культурного параметра «маскулинность/фемининность» на основе типологии культурных измерений, предложенной голландским социологом Геертом Хофстеде, а также последних научных изысканий в области кросс-культурной дидактики. Культурно-специфические особенности образовательного процесса в учебных заведениях разных стран определяют формы и методы обучения, образовательную коммуникацию и стили обучения, влияют на мотивацию и самооценку иностранных обучающихся. Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о роли кросс-культурного подхода в педагогическом дизайне образовательного пространства вуза МО РФ. Теоретическая значимость исследования состоит в систематизации научного опыта по изучению параметра «маскулинность/фемининность» в образовательной сфере. Практическая значимость работы заключается в формировании системных представлений о культурно обусловленных целях, формах и методах образовательных систем разных стран и принципов разработки действенного инструментария образовательного процесса в кросс-культурной среде.

Ключевые слова

культурный параметр, иностранные военные специалисты, маскулинность/фемининность, образовательные практики, кросс-культурная дидактика

Благодарности

Авторы выражают благодарность доктору педагогических наук, профессору, почетному профессору Военной академии связи, Академику Международной академии авторов научных открытий и изобретений, член-корреспонденту РАЕН, заслуженному изобретателю РСФСР Владимиру Петровичу Чернолесу за научное консультирование при подготовке статьи.

Abstract

The article is devoted to the issues of training foreign military specialists in the universities of the Ministry of Defense of the Russian Federation, which, in the context of the growing potential conflict in the world, seems to be the most important area of military-technical cooperation between Russia and friendly countries. One of the problems of professional training of foreign military personnel is the discrepancy between the culturally determined learning styles of all subjects of the educational process. The authors trace the influence of the cultural parameter "masculinity / femininity" on the national educational practices of foreign students and identify its symptoms in the culturally heterogeneous environment of a Russian military university. The article discusses various approaches to the interpretation of the binary opposition "masculinity / femininity" in a historical retrospective and the significance of this construct in modern science. The purpose of the article was a comparative study of the didactic aspect of the cultural parameter "masculinity / femininity" based on the typology of cultural dimensions proposed by the Dutch sociologist Geert Hofstede, as well as the latest scientific research in the field of cross-cultural didactics. Cultural-specific features of the educational process in educational institutions of different countries determine the forms and methods of teaching, educational communication and learning styles, affect the motivation and self-esteem of foreign students. The results of the study allow us to draw a conclusion about the role of the cross-cultural approach in the pedagogical design of the educational environment of the university of the Ministry of Defense of the Russian Federation. The theoretical significance of the study lies in the systematization of scientific experience in the study of the construct "masculinity / femininity" in the educational field. The practical significance of the work lies in the formation of systemic ideas about culturally determined goals, forms and methods of educational systems in different countries and the principles for developing effective tools for the educational process in a cross-cultural environment

Key words

cultural parameter, foreign military specialists, masculinity / femininity, educational practices, cross-cultural didactics

Acknowledgements

The authors express their gratitude to the Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honorary Professor of the Military Academy of Communications, Academician of the International Academy of Authors of Scientific Discoveries and Inventions, corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Inventor of the RSFSR Vladimir P. Chernoles for scientific advice during the preparation of the article.

Введение / Introduction

Обучение иностранных военных специалистов (ИВС) в высших учебных заведениях Министерства обороны Российской Федерации (МО РФ) в настоящее время является важной составляющей военно-технического сотрудничества России с иностранными государствами, играющей роль «мягкой» силы в различных регионах мира с целью реализации

стратегических национальных интересов страны. Президент России Владимир Владимирович Путин на встрече министров обороны государств – членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и Содружества Независимых Государств (СНГ) 9 декабря 2022 года акцентировал: «Мы дорожим многолетними традициями сотрудничества ШОС и СНГ в области подготовки и повышения квалификации военных кадров. Намерены и далее активно развивать это ключевое направление, задействовать для этого научный потенциал военных вузов и академий России, использовать базовые учебно-методические структуры, учебно-боевые центры Вооружённых Сил России» [1].

В условиях нарастания конфликтного потенциала в мире и резкого обострения международной обстановки к партнерству нашего государства с другими странами в деле подготовки военных кадров предъявляются повышенные требования. Целью обучения иностранных военных кадров в вузах МО РФ на современном этапе является обеспечение высокого качества подготовки к «военно-профессиональной деятельности в национальных армиях в соответствии с должностным предназначением, вооружение военно-профессиональными знаниями, умениями и навыками, формирование профессионально-важных и личностных качеств» [2]. В соответствии с этим определены задачи по организации образовательного процесса, имеющего свою специфику и регламентированного нормативно-правовыми документами Министерства обороны РФ [3], методическими рекомендациями по подготовке иностранных военных специалистов.

Важнейшим условием достижения высокого качества профессиональной подготовки ИВС является совершенствование российской системы высшего военного образования с позиций кросс-культурной дидактики, учитывающей цели и ценности национальных образовательных систем разных стран. Реалии XXI века увеличили важность глобального контекста в мировой системе высшего образования. Растущая конкуренция в образовательной сфере, трансграничное обучение, появление глобальной экономики знаний поставили перед ведущими университетами насущные вопросы: чему и, главное, как учить иностранцев, где найти необходимый методический инструментарий?

Проследить влияние родной культуры иностранных курсантов и слушателей на привычные для них образовательные практики и определить ориентиры в организации эффективного кросс-культурного взаимодействия всех субъектов образовательного процесса в российском военном вузе позволяет анализ культурных различий по количественным параметрам. Одним из фундаментальных культурных параметров является категория «маскулинность/фемининность».

Обзор литературы / Literature review

Культурный параметр «маскулинность/фемининность» возник на стыке антропологии, социальной философии, гендерной теории и культурологии и в настоящее время еще недостаточно изучен отечественными исследователями. Понятия «маскулинность» и «фемининность» в современной научной среде не являются биологическими характеристиками, они соотносятся прежде всего с социально-психологическими характеристиками субъекта или социальных групп, хотя и имеют в своей основе биологическую детерминанту.

С позиций биологического подхода маскулинность и фемининность рассматриваются как «биограммы» или «врожденные стратегии» [4] – такие формы поведения, которые предопределены генами. Для маскулинности характерны агрессивность и стремление к главенствованию, а фемининность отождествляется с инстинктом продолжения рода. Подобные биологические трактовки маскулинности/фемининности

берут свое начало в трудах Чарльза Дарвина [5] и в настоящее время поддерживаются сторонниками эволюционной биологии. Так, согласно теории российского генетика В. А. Геодакяна [6], самовоспроизводство биологической системы всегда имеет две противоположные тенденции: наследственность (консервативный фактор) и изменчивость (фактор возникновения новых признаков). Женский пол олицетворяет как бы постоянную «память», а мужской пол – оперативную, временную «память» вида. По этой причине у женщин выше воспитуемость, конформность, обучаемость, а у мужчин – сообразительность, изобретательность, находчивость.

Социально-конструктивистская интерпретация маскулинности/фемининности восходит к различным мифологическим концепциям. Согласно древнекитайской философии в основе мирового устройства лежат два системообразующих начала: Инь и Ян. Маскулинность определяется как стабильный позитивный конструкт Ян, в основе которого находится активное мужское начало, светлое и мудрое. Фемининность представлена нестабильным негативным конструктом Инь, в основе которого – пассивное женское начало, темное и интуитивное. «Конструкты маскулинности/фемининности в Древнем Китае определяли все сферы жизнедеятельности. Они предписывали мужчинам занятия политикой и искусствами, а женщинам – бытовой деятельностью» [7].

В мифологическом сознании вместе с принципом противоположности мужского и женского была представлена философская мысль о сочетании маскулинных и фемининных характеристик в одном индивидуе. Итальянский ученый Умберто Эко отмечает, что на гармонию бинарной оппозиции мужского и женского указывали еще первые пифагорейцы, которые развивали идею равновесия между противоположными сущностями, «пребывающими в гармонии только из-за того, что они создают друг другу противовес, и способными при перенесении в визуальный план стать симметрией» [8]. По мнению Платона [9], в древнегреческом мифе о Зевсе и андрогинах совершенный образ андрогина олицетворял идеальное, счастливое состояние бытия.

Мужское и женское, описываемое античными философами, со временем эволюционирует в образ мужественности/женственности, а затем, в начале XX века, в концепт маскулинности/фемининности в социальной психологии. На основе положения о культурной сконструированности маскулинности/фемининности развивается традиция исследования маскулинности/фемининности как культурных конструктов. Так, например, в работах американских социальных психологов С. Кесслера и У. Маккена маскулинность/фемининность определяются как культурные события, продукты «процесса атрибуции гендера» [10].

Во второй половине XX века глубокими гендерными исследованиями начали активно заниматься американские ученые: по данным журнала *Psychological Abstracts*, с 1950 по 1980 год ими было опубликовано 30 тысяч работ по половым различиям [11]. Весомым вкладом в изучение гендера стал труд психологов Элеонор Маккоби и Кэрол Джеклин [12], обобщивших и проанализировавших наиболее значимые научные факты. Авторы установили большое сходство в психологических характеристиках мужчин и женщин и обнаружили гендерные различия в области социальных ролей. Американский психолог Сандра Бэм [13], развивая их мысли, ввела понятие гендерной идентичности. По ее мнению, общество формирует для представителей разного пола глубинные гендерные схемы, в которые входят представления о мире и стандартный набор тех или иных характеристик. Стремление человека соответствовать социальным ожиданиям и лежит в основе гендерной идентичности.

С 90-х годов XX века гендерно ориентированные исследования развиваются также в отечественной науке. Российский ученый Т. В. Бендас [14] дает следующее определение понятий маскулинности и фемининности: «Маскулинность – набор личностных и поведенческих черт, соответствующих стереотипу “настоящего мужчины”: мужественность, уверенность в себе, властность и т. д. Фемининность – набор личностных и поведенческих черт, соответствующих стереотипу “настоящей женщины”: мягкость, заботливость, нежность, слабость, незащитность». И. С. Кон [15] понятия «маскулинность» и «фемининность» соединяет с тремя значениями. Он рассматривает их как категории описательные (совокупность поведенческих и психических характеристик, объективно присущих мужчинам и женщинам), как нормативные (совокупность идеальных образов того, какими должны быть мужчины и женщины) и как атрибутивные (мужчины и женщины в социальных представлениях людей).

В современных научных представлениях понятия маскулинности и фемининности легли в основу «гендерной картины мира» [16], формирующейся на основе гендерной типологии культур. В процессе изучения культур исследователями-компаративистами было отмечено, что гендерные роли определяются степенью маскулинности или фемининности той или иной культуры, которая, в свою очередь, связана с придаваемыми ею эволюционными преимуществами. Так, американский антрополог Дэвид Гилмор [17], исследуя культурную обусловленность мужественности, обнаружил, что маскулинные идеологии более развиты в обществах, где мужчины должны бороться за скудные и оспариваемые ресурсы.

В качестве культурного параметра впервые категории «маскулинность» и «фемининность» предложил использовать голландский социолог Геерт Хофстеде [18], который в 70-е годы XX века в рамках масштабного исследования организационной культуры международной корпорации IBM сравнил доминирующие ценности представителей различных стран. Теория Г. Хофстеде стала парадигмой для последующих кросс-культурных исследований. Также в 90-е годы большую известность в области кросс-культурного изучения маскулинности и фемининности получил труд американских психологов Джона Уильямса и Деборы Бест [19], установивших панкультурное сходство гендерных стереотипов.

Специфика понятий маскулинности и фемининности в аспекте межкультурного взаимодействия в настоящее время привлекает к себе внимание ученых, изучающих работу транснациональных организаций. Английский социолог Джефф Хирн [20], в условиях глобализации и выхода культурных параметров за границы государства, вводит понятие транснациональной маскулинности. Однако канадский ученый Джон Берри [21], отмечая развивающийся интерес к кросс-культурным исследованиям гендера и социального поведения, утверждает, что в большинстве научных работ используются концепции, базирующиеся на западном видении человеческого поведения, и для объективного понимания этой области нужны более индигенные (принадлежащие по происхождению данной территории) подходы. Видный американский психолог Дэвид Мацумото [22] считает, что вопросы, связанные с проявлением сходства и различий между культурами в отношении особенностей поведения мужчин и женщин, до конца не изучены.

В исследованиях зарубежных ученых последних лет прослеживается явное стремление разграничить понятия маскулинности/фемининности с позиций гендерной терминологии и как характеристики ценностей культуры. Американский ученый Ребекка Меркин [23], утверждая, что данное культурное измерение относится

к доминантным, проводит аналогию термина «маскулинность» с термином «мастерство», а термин «фемининность» с термином «гармония» в системе культурных ценностных ориентаций, предложенной израильским социологом Шаломом Шварцем [24]. В научной литературе появились также такие определения, как «ориентация на цель» и «ориентация на процесс», «качество жизни» и «количество жизни», детализирующие содержание хофстедовского культурного параметра «маскулинность/фемининность», однако не меняющие его глубинной сущности.

В наши дни импульс к изучению культурных симптомов маскулинности/фемининности в поведении представителей разных стран дает развитие кросс-культурного менеджмента. Американский психолог Уильям Крамер [25], исследуя особенности проявления данного культурного параметра в межкультурной коммуникации сотрудников транснациональных компаний, указывает на очевидную потребность таких организаций в практической инструментальной помощи для выстраивания эффективного взаимодействия и управления в культурно разнородном трудовом коллективе. Востребованность в подобных психологических знаниях ощущается в системе международного образования. Работы ученых из Гонконга [26] в области кросс-культурного образования доказывают зависимость стилей обучения иностранных студентов от национальных культурных ценностей. Четко дифференцировать и измерить ценностные ориентации позволяют культурные параметры, в числе которых «маскулинность/фемининность» занимает важное место. Образовательная среда военного вуза является достаточно показательной для выявления культурных различий иностранных военнослужащих, так как, по мнению Е. А. Ливач [27], в военном вузе приверженность субъектов образовательного процесса национальным культурным ценностям выражена более явно по сравнению с гражданским, поскольку воспитательная система в военном учебном заведении более жестко структурирована. По наблюдениям кросс-культурных психологов, результаты обучения улучшаются, когда методы работы педагогов согласуются с культурными ценностными установками иностранных обучающихся.

Таким образом, кросс-культурные исследования маскулинности/фемининности, хотя и имеют глубокие исторические корни, представляют собой относительно новую и весьма актуальную область психологического знания. Реалии XXI века увеличили важность глобального контекста в разных сферах человеческой деятельности, в том числе и в образовании. При описании и объяснении культурных различий в поведении представителей разных стран ценностные акценты, лежащие в основе этих различий, детально не рассматривались и нуждаются в систематизации и дальнейшем изучении.

Методологическая база исследования / Methodological base of the research

Целью данного исследования является рассмотрение признаков параметра «маскулинность/фемининность» в процессе обучения иностранных военных специалистов в мультикультурном учебном коллективе. В основу теоретического исследования положен один из основных методологических принципов этнопсихологии – принцип детерминизма, демонстрирующий причинную обусловленность национально-психологических особенностей социальными факторами [28]. Методологическую базу исследования составляют теоретические положения общенаучных методов изучения и решения проблем: системного подхода, метода сравнения и классификации культурных различий, метода моделирования, позволяющего сопоставить культурные профили разных стран, а также теоретико-методические положения, содержащиеся в работах отечественных и зарубежных ученых.

Результаты исследования / Research results

Эвристические возможности популярной и научно обоснованной модели классификации культур Геерта Хофстеде в настоящее время признаются многими научными авторитетами [29], что дает основание использовать ее для исследования культурных различий по параметру маскулинность/фемининность в дидактическом аспекте. Кроме параметра «маскулинность» (MAS – Masculinity), в число параметров, предложенных Г. Хофстеде для анализа культур различных групп, вошли также «индивидуализм» (IDV – Individualism), «дистанция власти» (PDI – Power Distance Index) и «избегание неопределенности» (UAI – Uncertainty Avoidance Index). Позже ученым было добавлено еще два параметра: долгосрочная ориентация (LTO – Long Term Orientation) и индугенция (IDL – Indulgence), под которой понимается потворство желаниям или сдержанность [30]. Работа Г. Хофстеде в наши дни имеет большое практическое значение для многих сфер межкультурного взаимодействия, в том числе и для системы образования, поскольку этим ученым предложен способ численного измерения культур.

Культурный параметр «маскулинность» в его исследовании отражает степень, в которой разные культуры формируют и сохраняют ценностные различия между мужчинами и женщинами. Сильное мужское начало в национальной культуре ассоциируется с настойчивостью, успехом, соперничеством, независимостью, самоутверждением. Преобладание женского начала говорит о развитом сострадании, заботе, эмоциональных суждениях, теплых отношениях, помощи и солидарности. В организационной культуре, например, мужская роль, предполагающая «жизнь для работы», означает ориентацию на достижение цели, а женская роль – «работа ради жизни» – означает ориентацию на выполнение задания. Речь идет о том, являются ли для культуры наиболее важными «жесткие» мужские или «нежные» женские ценности.

По определению Г. Хофстеде, культуру можно назвать маскулинной, если в обществе половые роли мужчин и женщин четко разделены: мужчины жесткие, агрессивные, сфокусированы на материальном успехе и победе, мотивированы желанием быть лучшими, а женщины нежные и скромные, сосредоточены на обеспечении качества жизни и морального комфорта в семье, на том, что им нравится. Культура является фемининной, если различия половых ролей незначительны: и мужчины, и женщины могут быть в одинаковой мере сосредоточены как на материальном успехе, так и на обеспечении качества жизни.

Основные различия между культурами по параметру «маскулинность/фемининность», отмеченные Г. Хофстеде [31], представлены в табл. 1.

По наблюдению Г. Хофстеде, маскулинность или фемининность культуры складывалась под влиянием природно-климатических факторов и географического положения страны. Например, холодный климат формировал фемининную культуру, так как для выживания в трудных условиях мужчине и женщине надо было выстраивать партнерские отношения и сотрудничать. Этот параметр относительно устойчив исторически и с течением лет мало изменяется.

Поскольку респондентами Г. Хофстеде были в основном мужчины, он предложил измерить этот параметр индексом маскулинности. По результатам исследования ученого страны мира в соответствии с индексом «маскулинности» были ранжированы следующим образом (см. табл. 2).

Таблица 1

Десять различий между маскулинными и фемининными социумами

<i>Маскулинность</i>	<i>Фемининность</i>
1. Между представителями двух гендерных групп наблюдается максимальная дифференциация эмоциональных ролей.	1. Между представителями двух гендерных групп наблюдается минимальная дифференциация эмоциональных ролей.
2. Мужчины должны быть ассертивны и амбициозны, женщины также могут быть таковыми.	2. Мужчины и женщины должны быть благонаправны и заботливы.
3. Работа превыше семьи.	3. Между семьей и работой имеется равновесие.
4. Восхищение сильными.	4. Симпатия к слабым.
5. Отцы занимаются конкретными вопросами, матери – эмоциональной стороной воспитания.	5. Как матери, так и отцы занимаются как конкретными, так и эмоциональными вопросами воспитания.
6. Девочки плачут, мальчики не плачут; мальчики должны давать сдачи, девочки не должны.	6. Как мальчики, так и девочки могут плакать, но ни тем, ни другим нельзя драться.
7. Размер семьи определяет отец.	7. Количество детей в семье определяет мать.
8. На выборных должностях в политике мало женщин.	8. На выборных должностях в политике много женщин.
9. Религия нацелена на бога или богов.	9. Религия нацелена на людей-собратьев.
10. Моралистическое отношение к сексу, секс – это форма совершения действий	10. Реалистичное отношение к сексуальности, секс – это форма взаимоотношений

Таблица 2

Индекс маскулинности для 76 стран [32]

<i>Страна или регион</i>	<i>ИМ</i>	<i>Страна или регион</i>	<i>ИМ</i>
Словакия	110	Мальта	47
Япония	95	Индонезия	46
Венгрия	88	Западная Африка	46
Австрия	79	Канада Квебек	45
Венесуэла	73	Турция	45
Швейцария (нем.)	72	Тайвань	45
Италия	70	Панама	44
Мексика	69	Бельгия (нид.)	43
Ирландия	68	Иран	43
Ямайка	68	Франция	43
Китай	66	Сербия	43
Германия	66	Перу	42
Великобритания	66	Испания	42
Колумбия	64	Перу	42
Филиппины	64	Румыния	42
Польша	64	Восточная Африка	41
Южная Африка	63	Болгария	40
Эквадор	63	Хорватия	40
США	62	Сальвадор	40
Австралия	61	Вьетнам	40
Бельгия (фр.)	60	Северная Корея	39
Новая Зеландия	58	Южная Корея	39
Швейцария (фр.)	58	Уругвай	38
Тринидад	58	Гватемала	37
Чешская Респ.	57	Суринам	37
Греция	57	Россия	36
Гонконг	57	Таиланд	34
Аргентина	56	Португалия	31
Индия	56	Эстония	30
Бангладеш	55	Чили	28

Арабские страны	53	Финляндия	26
Марокко	53	Коста Рика	21
Канада	52	Литва	19
Люксембург	50	Словения	19
Малайзия	50	Финляндия	26
Пакистан	50	Дания	16
Бразилия	49	Нидерланды	14
Сингапур	48	Норвегия	8
Израиль	47	Швеция	5

Наиболее высокие оценки маскулинности были зафиксированы для Словакии, Японии, Венгрии и Австрии. В число стран с низкими оценками по данному показателю вошли Дания, Нидерланды, Норвегия и Швеция. Что касается России, то, согласно предположениям Г. Хофстеде, наша страна относилась к культурам с высокой степенью феминности, что подтверждается наблюдениями русских философов, например Николая Бердяева, который писал, что русский народ женственен по своему смирению, сострадательности, готовности подчиняться власти и пассивности [33]. Прогнозы Г. Хофстеде подтвердились его более поздними исследованиями и работами других ученых. После распада СССР в нашем обществе начался и продолжается рост маскулинности, вызванный креолизацией российской культуры (поглощением ценностей культур других стран), однако и сейчас индекс маскулинности России все еще остается низким – 36.

Степень маскулинности/феминности родной культуры иностранных военнослужащих, обучающихся в российском военном вузе, формирует их поведенческие паттерны. Необходимо отметить, что ценностные психологические установки могут корректироваться под воздействием ряда факторов. Во-первых, они зависят от среды, в которой представитель другой страны провел детство и юность, так как раннее влияние обычно сохраняется на всю жизнь. Во-вторых, нормативные представления маскулинности могут варьироваться в зависимости от социального положения и образовательного уровня обучающегося. Например, более образованные представители сильной половины человечества стесняются примитивной маскулинности, их ценностные ориентации разнообразны и, как правило, они охотнее принимают идею женского равноправия, а в среде простого народа сильнее традиционные представления. В-третьих, важное значение имеет возрастной фактор. Так как молодые мужчины представляют собой особую социально-демографическую группу, которая по своим физическим, психологическим и поведенческим свойствам отличается как от женщин, так и от старших мужчин и несет в себе свойства традиционной маскулинности, иностранные военные специалисты, принадлежащие, как правило, к этой группе, будут в большей степени демонстрировать маскулинные черты, чем другие представители их культуры.

Опираясь на конструкт маскулинность/феминность, можно проследить особенности образовательных практик, привычных для военнослужащих разных стран, и увидеть их сходство и различие. Система ценностей иностранных обучающихся закладывается еще в семье в раннем возрасте. В маскулиных культурах детей учат честолюбию, соперничеству, амбициозности и вере в себя, допускается, что дети могут быть непослушными. В феминных культурах учат скромности, гармоничным отношениям с окружающими и послушанию, детям нужно следовать моральным и этическим нормам поведения. В учебных заведениях продолжается формирование традиционных ценностей. Особенности образовательного процесса в маскулиных и феминных культурах показаны в табл. 3.

**Культурно-специфические особенности образовательного процесса
в учебных заведениях**

<i>Маскулинные культуры</i>	<i>Фемининные культуры</i>
<ol style="list-style-type: none"> 1. Каждый обучающийся должен стремиться стать лучшим, добиваться всего благодаря собственным усилиям. 2. Высокая мотивация достижений у студентов. Большая заинтересованность в получении признания у студентов. 3. Внимание учителя обращено к лучшим ученикам. 4. Здоровая соревновательность среди обучающихся поощряется. 5. Неудачи в обучении – несчастье для студента. 6. Спортивные соревнования – это часть образовательной деятельности. 7. Обучающиеся склонны переоценивать свои собственные результаты. 8. В школе в основном учат женщины, а в вузе – мужчины. 9. Учитель ценится за яркость и академические знания. 10. В выборе будущей специальности очевидна зависимость типа поведения от определенного пола: педагогику, например, выбирают женщины (это специальность, требующая умения общаться с детьми), право и инженерное дело выбирают мужчины (это специальности, требующие жесткости и технических навыков). 11. Юноши и девушки изучают одни и те же предметы. 12. По окончании обучения при выборе места работы важно следующее: <ul style="list-style-type: none"> - высокая заработная плата; - осознание своих заслуг при выполнении определенной работы; - возможность карьерного роста; - стремление к работе, которая даст чувство самореализации. 13. Высокий стресс 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Каждый обучающийся должен быть скромным и послушным. 2. Низкая мотивация достижения у студентов. Меньшая заинтересованность в получении признания у студентов. 3. Внимание учителя обращено к слабым ученикам. 4. К тем, кто пытается выдвинуться, относятся с подозрением. 5. Неудачи в обучении несут незначительные последствия. 6. Спортивные соревнования – это внеаудиторная деятельность. 7. Обучающиеся недооценивают свои собственные результаты. 8. Мужчины учат наравне с женщинами как в школе, так и в вузе. 9. Учитель ценится за социальные качества и дружелюбие. 10. На одних и тех же специальностях учится примерно одинаковое количество мужчин и женщин. Выбор будущей профессии определяет не стремление к деньгам, а заинтересованность в определенном предмете. 11. Юноши и девушки изучают разные предметы. 12. По окончании обучения при выборе места работы важно следующее: <ul style="list-style-type: none"> - наличие хороших отношений с начальником; - работа в дружном коллективе; - жизнь в хорошем районе; - уверенность в завтрашнем дне, в том, что невозможно потерять работу. 13. Низкий стресс

В маскулинных культурах считается нормой ориентация на материальный успех. Например, в Японии (индекс маскулинности 95) и США (индекс маскулинности 62), принято материально вознаграждать за успешность обучения. Интересно, что в США успешность обучения повышается от вознаграждения только учащимся, а в Японии – от вознаграждения не только учащимся, но и учителям [34]. Результаты исследований показывают, что обучение может быть улучшено, когда методы обучения соответствуют культурным нормам и ценностям обучающихся. Следует отметить, что данный параметр абсолютно не соотносится с уровнем экономического развития страны: богатые и бедные страны существуют как среди маскулинных, так и среди фемининных культур.

Культурно детерминированным является стиль обучения иностранных военнослужащих. Для ИВС маскулинного типа характерно стремление к самостоятельности в обучении, желание освободиться от опеки преподавателя. Как правило, они с удовольствием

работают в компьютерной среде. Обучающиеся фемининного типа предпочитают коллективные формы работы под руководством преподавателя с преобладанием коммуникативных заданий [35]. Как правило, они охотнее и чаще общаются в виртуальной среде.

Неудачи в обучении очень тяжело переживаются представителями маскулинных культур. Примером служит опять Япония, страна с одним из самых высоких индексов маскулинности, и Германия (индекс маскулинности – 66), где ежегодно публикуют отчет о студентах, покончивших жизнь самоубийством из-за того, что они провалились на экзаменах [36]. Г. Хофстеде в качестве примера также приводит культуры Нидерландов (индекс 14) и США (индекс 62). Лучший ученик в классе нидерландской школы вызывает насмешки со стороны большинства, поэтому нормой считается «быть середнячком». В школьном коллективе «культивируется дух сотрудничества и добрых бесконфликтных отношений». В американских школах «нормой является борьба за лидерство, состязательность как форма человеческого взаимодействия» [37].

Различия в ценностных установках обуславливают специфику образовательной коммуникации иностранных курсантов и слушателей в мультикультурной учебной группе, поскольку, как утверждает известный американский ученый Эдвард Холл, «коммуникация – это культура, культура – это коммуникация» [38]. Исследователи отмечают, что заметной чертой представителей маскулинных культур является фокусировка внимания на содержании сообщения, а для представителей фемининных культур прежде всего важно поддержать отношения. В зависимости от степени маскулинности/фемининности родной культуры иностранные военнослужащие из разных стран используют разные тактики убеждения и мотивирования, применяют разные способы наказания и поощрения, по-разному видят пути решения конфликтных ситуаций. Коммуникацию в фемининных культурах хорошо иллюстрирует описание эмоционального поведения иранских мужчин (индекс маскулинности 43). «В Иране от мужчин ожидается проявление эмоций. Иранские мужчины читают стихи, они чувствительны и имеют хорошо развитую интуицию. Их часто можно увидеть обнимающимися или пожимающими руки» [39]. Эмоциональность считается также специфической чертой фемининной культуры России. Для маскулинной Японии, напротив, характерно сокрытие эмоций и низкий уровень коммуникации между преподавателями и студентами. В культурах с высокой степенью фемининности придают значение умению человека говорить тихим голосом, тогда как в маскулинных культурах положительную оценку получает громкий голос говорящего.

Часто ИВС из разных культур смотрят друг на друга с взаимным пренебрежением: для представителей маскулинных культур одногруппники из страны с фемининной доминантой недостаточно деятельны, а для вторых первые недостаточно заботливы и щедрь. В качестве примера можно вспомнить социальную политику фемининной Швеции, которая помогает бедным странам больше других стран в мире, и маскулинной Японии, которая по этому параметру сдержаннее всех.

Преподаватель, реализуя на занятиях кросс-культурный подход, должен иметь четкое представление о содержании понятий «маскулинность» и «фемининность». Культурный барьер, в отличие от пресловутого языкового барьера, не сразу становится очевидным, он проявляется только при столкновении родной культуры с другими, непохожими на нее, воспринимающимися как странные и неприятные. Однако, оставаясь до некоторого времени невидимым, он гораздо опаснее языкового. Культурные ошибки воспринимаются намного болезненнее, чем языковые, и затрудняют процесс

взаимодействия всех субъектов образовательного процесса, поскольку основываются на культурном, или, иными словами, дорациональном, выборе поведения.

Педагогический дизайн кросс-культурного образовательного пространства военного вуза, способного обеспечивать эффективный трансфер знаний, предполагает системное понимание проблем обучения иностранных военнослужащих, оценку образовательных ресурсов, учебного контента, специфичность выстраивания образовательной траектории иностранных обучающихся. Критерии, по которым он должен строиться, следующие: «коммуникационный критерий (изменение традиционных форм коммуникации в системе «преподаватель – студент»), методический (появление культурно-адаптивных методов работы с учебной информацией), контентный (дифференциация и возможная неоднородность учебного контента в образовательном процессе) и информационный (разработка и использование образовательных ресурсов, учитывающих культурную специфику восприятия и работы с информацией)». [40] Кроме того, очевидна необходимость развития культурной сензитивности как преподавателя, так и обучающихся.

Заключение / Conclusion

Резюмируя сказанное, можно сделать вывод, что культурный параметр «маскулинность/фемининность» оказывает большое влияние на национальные образовательные практики иностранных специалистов, проходящих обучение в российском военном вузе, и имеет важное значение для решения проблем кросс-культурной дидактики. Множественность культурных различий иностранных курсантов и слушателей требует систематизации знаний особенностей культур и разработки действенного инструментария кросс-культурной дидактики. Задачами преподавателя, работающего в мультикультурной учебной группе, является поиск эффективных механизмов кросс-культурного подхода в образовательном процессе, включающего исследование взаимосвязей, существующих между моделями поведения, характерными для данной культуры, и типичными свойствами личности иностранного военнослужащего, сформированными в условиях соответствующего культурного ландшафта, организации необходимых коммуникаций, создания комфортных условий для всех субъектов образовательного процесса.

Ссылки на источники / References

1. Видеообращение к участникам встречи глав оборонных ведомств государств – членов ШОС и СНГ. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70057>
2. Маркелов В. И., Зеленко Н. В. Профессиональная подготовка иностранных военнослужащих в России // Наука, технологии и образование в XXI веке: проблемы взаимодействия и интеграции: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. 28 февраля 2020 г. – Белгород: ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2020. – С. 145–149. – URL: <https://apni.ru/article/473-professionalnaya-podgotovka-inostrannikh-voen>
3. О мерах по реализации в Вооруженных Силах Российской Федерации постановления Правительства Российской Федерации от 29 октября 2015 г. № 1164 «Об оказании Министерством обороны Российской Федерации услуг по подготовке и обучению военных и военно-технических кадров иностранных государств»: приказ Министра обороны Российской Федерации № 468 от 25 июля 2016 г. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=677852#8vuYoeSc9 gy8P4lx>
4. Буракова М. Интерпретация маскулинности – фемининности внешнего облика женщины: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05. – Ростов н/Д, 2000. – 202 с.
5. Дарвин Ч. Р. Происхождение человека и половой отбор: в 2 кн. – М.: Терра-Книжный клуб, 2009. – 784 с.
6. Геодакян В. А. Теория дифференциации полов в проблемах развития человека // Человек в системе наук. – М.: Наука, 1989. – С. 171–189.
7. Шнейдер Л. Б. Семейная психология. Эмпирические исследования: практ. пособие для академического бакалавриата, 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – С. 71.

8. История красоты / под ред. Умберто Эко; пер. с итал. А. А. Сабашниковой. – М.: Слово/Slovo, 2022. – С. 72.
9. Платон. Государство // Платон. Диалоги / пер. с древнегр. С. Я. Шейнман Топштейн; под ред. А. Ф. Лосева. – М.: Мысль, 1986. – С. 8.
10. Kessler S. J., McKenna W. Gender Construction In Everyday Life: Transsexualism (Abridged) // *Feminism & Psychology*. – SAGE (London, Thousand Oaks and New Delhi), 2000. – Vol. 10(1). – P. 11–29.
11. Багрунов В. П. Половые различия в видовой и индивидуальной изменчивости психики человека: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. – Л., 1981. – 157 с.
12. Maccoby E. E., Jacklin C. N. *The Psychology of Sex Differences*. – Stanford, CA: Stanford University Press, 1974. – 634 p.
13. Бем С. Линзы гендера: трансформация взглядов на проблему неравенства полов / пер. с англ. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. – 336 с.
14. Бендас Т. В. *Гендерная психология: учеб. пособие*. – СПб.: Питер, 2006. – С. 123.
15. Кон И. С. *Мужчина в меняющемся мире*. – М.: Время, 2009. – С. 571.
16. Петренко Л. А. Концепты маскулинности и феминности как предпосылки возникновения зависимости и насилия в гендерных отношениях // *Молодой ученый*. – 2015. – № 2 (82). – С. 435–438. – URL: <https://moluch.ru/archive/82/15097/>
17. Гилмор Д. Становление мужественности: Культурные концепты маскулинности / пер. с англ. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. – 264 с.
18. Hofstede G. *Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context*. Online Readings in Psychology and Culture, Unit 2. – 2011. – URL: <http://scholarworks.gvsu.edu/orpc/vol2/iss1/8>
19. Willams J., Best D. Cross-cultural views of women and men // *Psychology and culture* / eds. W. Lonner, R. Malpass. – Boston: Allyn & Bacon, 1994. – 202 p.
20. Hearn J., Collinson D. Men, Masculinities, and Gender Relations // *Oxford Research Encyclopedia of Business and Management* / ed. R. J. Aldag. – Oxford: Oxford University Press, 2018.
21. *Кросс-культурная психология. Исследования и применение* / пер. с англ. – Харьков: Гуманитарный центр, 2007. – С. 100.
22. Мацумото Д. *Человек, культура, психология. Удивительные загадки, исследования и открытия*. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2008. – С. 266.
23. Merkin R. S. Masculinity-Femininity Applied to Cooperative and Competitive Facework // *Saving Face in Business*. – 2017. – P. 137–164. DOI: 10.1057/978-1-137-59174-6_6
24. Schwartz S. H., Cieciuch J., Vecchione M. et. al. Refining the theory of basic individual values // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2012. – 103. – P. 663–688.
25. Kramer W. S. et al. The world is not flat: Examining the interactive multidimensionality of culture and virtuality in teams // *Human Resource Management Review*. – 2016. – URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.hrmr.2016.12.007>
26. King R. B., McInerney D. M., Pitliya R. J. Envisioning a Culturally Imaginative Educational Psychology // *Educ Psychol Rev*. – 2018. – 30. P. 1031–1065. – URL: <https://doi.org/10.1007/s10648-018-9440-z>
27. Ливач Е. А. Коллективизм и индивидуализм в системе ценностей студентов и курсантов // *Вестник СПбГУ*. Сер. 12. – 2010. – Вып. 4. – С. 320.
28. Цветков В. Л., Соловьева А. В. *Этнопсихология. Альбом схем*. – М.: Щит-М, 2009. – С. 15.
29. Зарицкая Ж. В. Эвристические возможности методики Г. Хофстеде в изучении ценностей индивидуализма / коллективизма // *Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: Философия*. – 2014. – Т. 12. – Вып. 1. – С. 56–63.
30. Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. *Cultures and Organizations: Software of the Mind. Revised and expanded third edition*. – N. Y.: McGraw-Hill, 2010. – 300 p.
31. Hofstede G. H. *Cultures and organizations: software of the mind*. – Mc Graw Hill, 1997. – 279 p.
32. Хофстеде Г. Модель Хофстеде в контексте: Параметры количественной характеристики культур // *Язык, коммуникация и социальная среда*. – 2014. – № 12. – URL: <http://www.rgph.vsu.ru/lse/>
33. Бердяев Н. Л. О «вечно бабьем» в русской душе // Бердяев Н. А. *Философия творчества, культуры, искусства: в 2 т.* – М., 1994. – Т. 2. – С. 300.
34. Лебедева Н. М., Татарко А. Н. *Ценности культуры и развитие общества / Гос. ун-т Высшая школа экономики*. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. – 527 с.
35. Буреева М. С., Леонтьева Е. Г., Пушных В. А. *Межкультурный менеджмент: учеб. пособие / Томский политехнический университет*. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2017. – 207 с.
36. Куликова Л. В. *Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. На материале русской и немецкой лингвокультуры: монография*. – Красноярск: РИО КГПУ, 2004. – 196 с.
37. Куликова Л. В. *Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме / Красноярский гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева*. – Красноярск, 2006. – 392 с.
38. Trager, G., Hall E. *Culture and Communication: A Model and an Analysis // Explorations*. – 1954. – № 3. – P. 157–249.
39. Лопухова О. Г. *Психология этнического самосознания и межкультурного общения: учеб. пособие*. – Казань: Изд-во Бриг, 2015. – С. 37.
40. Таратухина Ю., Блескина И. *Принципы дизайна кросскультурной информационно-педагогической среды // Открытое и дистанционное образование*. – 2017. – № 2(66). – С. 58–64.

1. *Videobrashchenie k uchastnikam vstrechi glav oboronnykh vedomstv gosudarstv – chlenov ShOS i SNG* [Video message to the participants of the meeting of the heads of defense departments of the SCO and CIS member states]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70057> (in Russian).
2. Markelov, V. I., & Zelenko, N. V. (2020). "Professional'naya podgotovka inostrannykh voennosluzhashchih v Rossii" [Professional training of foreign military personnel in Russia], *Nauka, tekhnologii i obrazovanie v XXI veke: problemy vzaimodejstviya i integracii: sb. nauch. tr. po materialam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 28 fevralya 2020 g.*, OOO Agentstvo perspektivnykh nauchnykh issledovanij (APNI), Belgorod, pp. 145–149. Available at: <https://apni.ru/article/473-professionalnaya-podgotovka-inostrannikh-voen> (in Russian).
3. *O merah po realizacii v Vooruzhennykh Silah Rossijskoj Federacii postanovleniya Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 29 oktyabrya 2015 g. № 1164 "Ob okazanii Ministerstvom oborony Rossijskoj Federacii uslug po podgotovke i obucheniyu voennykh i voenno-tekhnicheskikh kadrov inostrannykh gosudarstv": prikaz Ministra oborony Rossijskoj Federacii № 468 ot 25 iyulya 2016 g.* [On measures for the implementation in the Armed Forces of the Russian Federation of the Decree of the Government of the Russian Federation dated October 29, 2015 No. 1164 "On the provision by the Ministry of Defense of the Russian Federation of services for the training of military and technical personnel of foreign states": Order of the Minister of Defense of the Russian Federation No. 468 dated July 25, 2016] Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=677852#8vuYoeSc9gy8P4lx> (in Russian).
4. Burakova, M. (2000). *Interpretaciya maskulinnosti – femininnosti vneshnego oblika zhenshchiny* [Interpretation of masculinity – femininity of a woman's appearance]: *dis. ... kand. psi-hol. nauk: 19.00.05*, Rostov n/D, 202 p. (in Russian).
5. Darvin, Ch. R. (2009). *Proiskhozhdenie cheloveka i polovoj otbor* [The descent of Man, and selection in relation to sex]: *v 2 kn.*, Terra-Knizhnyj klub, Moscow, 784 p. (in Russian).
6. Geodakyan, V. A. (1989). "Teoriya differenciacii polov v problemah razvitiya cheloveka" [The theory of gender differentiation in human development problems], *Chelovek v sisteme nauk*, Nauka, Moscow, pp. 171–189 (in Russian).
7. Shnejder, L. B. (2018). *Semejnaya psihologiya. Empiricheskie issledovaniya* [Family psychology. Empirical research]: *prakt. posobie dlya akademicheskogo bakalavriata, 2-e izd., ispr. i dop.*, Izdatel'stvo Yurajt, Moscow, p. 71 (in Russian).
8. (2022). *Istoriya krasoty* [History of beauty], Slovo/Slovo, Moscow, p. 72 (in Russian).
9. Platon (1986). "Gosudarstvo" [Republic], in Platon. *Dialogi*, Mysl', Moscow, p. 8 (in Russian).
10. Kessler, S. J., & McKenna, W. (2000). "Gender Construction In Everyday Life: Transsexualism (Abridged)", *Feminism & Psychology*, SAGE (London, Thousand Oaks and New Delhi), vol. 10(1), pp. 11–29 (in English).
11. Bagrunov, V. P. (1981). *Polovye razlichiya v vidovoj i individual'noj izmenchivosti psihiki cheloveka* [Gender differences in the species and individual variability of the human psyche]: *dis. ... kand. psihol. nauk: 19.00.01*, Leningrad, 157 p. (in Russian).
12. Maccoby, E. E., & Jacklin, C. N. (1974). *The Psychology of Sex Differences*, Stanford University Press, Stanford, CA, 634 p. (in English).
13. Bem, S. (2004). *Linzy gendera: transformaciya vzglyadov na problemu neravenstva polov* [Gender lenses: the transformation of views on the problem of gender inequality], Rossijskaya politicheskaya enciklopediya, Moscow, 336 p. (in Russian).
14. Bendas, T. V. (2006). *Gendernaya psihologiya* [Gender psychology]: *ucheb. posobie*, Piter, St. Petersburg, p. 123 (in Russian).
15. Kon, I. S. (2009). *Muzhchina v menyayushchemsya mire* [A man in a changing world], Vremya, Moscow, p. 571 (in Russian).
16. Petrenko, L. A. (2015). "Koncepty maskulinnosti i feminnosti kak predposylki vozniknoveniya zavisimosti i nasiliya v gendernykh otnosheniyah" [The concepts of masculinity and femininity as prerequisites for the emergence of dependence and violence in gender relations], *Molodoj uchenyj*, № 2 (82), pp. 435–438. URL: <https://moluch.ru/archive/82/15097/> (in Russian).
17. Gilmor, D. *Stanovlenie muzhestvennosti: Kul'turnye koncepty maskulinnosti* [Becoming Masculine: Cultural Concepts of Masculinity] / per. s angl, Moscow «Rossijskaya politicheskaya enciklopediya» (ROSSPEN), 2005, 264 p. (in Russian).
18. Hofstede, G. (2011). *Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context. Online Readings in Psychology and Culture*, Unit 2. Available at: <http://scholarworks.gvsu.edu/orpc/vol2/iss1/8> (in English).
19. Willams, J., & Best, D. (1994). "Cross-cultural views of women and men", in Lonner, W., & Malpass, R. (eds.). *Psychology and culture*, Allyn & Bacon, Boston, 202 p. (in English).
20. Hearn, J., Collinson, D. (2018) "Men, Masculinities, and Gender Relations", in Aldag, R. J. (ed.). *Oxford Research Encyclopedia of Business and Management*, Oxford University Press, Oxford (in English).
21. (2007). *Kross-kul'turnaya psihologiya. Issledovaniya i primenenie* [Cross-cultural psychology. Research and application], Gumanitarnyj centr, Har'kov, p. 100 (in Russian).
22. Macumoto, D. (2008). *Chelovek, kul'tura, psihologiya. Udivitel'nye zagadki, issledovaniya i otkrytiya* [Man, culture, psychology. Amazing mysteries, explorations and discoveries], Prajm-EVROZNAK, St. Petersburg, p. 266 (in Russian).
23. Merkin, R. S. (2017). "Masculinity-Femininity Applied to Cooperative and Competitive Facework", *Saving Face in Business*, pp. 137–164. DOI: 10.1057/978-1-137-59174-6_6 (in English).
24. Schwartz, S. H., Cieciuch, J., Vecchione, M. et al. (2012). "Refining the theory of basic individual values", *Journal of Personality and Social Psychology*, 103, pp. 663–688 (in English).
25. Kramer, W. S. et al. (2016). "The world is not flat: Examining the interactive multidimensionality of culture and virtuality in teams", *Human Resource Management Review*. Available at: <http://dx.doi.org/10.1016/j.hrmmr.2016.12.007> (in English).

26. King, R. B., McInerney, D. M. & Pitliya, R. J. (2018). "Envisioning a Culturally Imaginative Educational Psychology", *Educ Psychol Rev*, 30, pp. 1031–1065. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10648-018-9440-z> (in English).
27. Livach, E. A. (2010). "Kollektivizm i individualizm v sisteme cennostej studentov i kursantov" [Collectivism and individualism in the value system of students and cadets], *Vestnik SPbGU. Ser. 12*, vyp. 4, p. 320 (in Russian).
28. Cvetkov, V. L., & Solov'eva, A. V. (2009). *Etnopsihologiya. Al'bom skhem [Ethnopsychology. Album of schemes]*, ShChit-M, Moscow, p. 15 (in Russian).
29. Zarickaya, Zh. V. (2014). "Evristichekie vozmozhnosti metodiki G. Hofstede v izuchenii cennostej individualizma / kollektivizma" [Heuristic opportunities of G. Hofstede's methodology in the study of the individualism / collectivism values], *Vestnik Novosibirskogo gos. un-ta. Seriya: Filosofiya*, t. 12, vyp. 1, pp. 56–63 (in Russian).
30. Hofstede, G., Hofstede, G. J., & Minkov, M. (2010). *Cultures and Organizations: Software of the Mind*, Revised and expanded third edition, McGraw-Hill, New York, 300 p. (in English).
31. Hofstede, G. H. (1997). *Cultures and organizations: software of the mind*, Mc Graw Hill, 279 p. (in Russian).
32. Hofstede, G. (2014). "Model' Hofstede v kontekste: Parametry kolichestvennoj harakteristiki kul'tur" [The Hofstede model in context: Parameters of quantitative characteristics of cultures], *Yazyk, kommunikaciya i social'naya sreda*, № 12. Available at: <http://www.rgph.vsu.ru/lse/> (in Russian).
33. Berdyaev, N. L. (1994). "O "vechno bab'em" v russkoj dushe" [About the "eternally feminine" in the Russian soul], in Berdyaev, N. A *Filosofiya tvorchestva, kul'tury, iskusstva: v 2 t.*, Moscow, t. 2, p. 300 (in Russian).
34. Lebedeva, N. M., & Tatarko, A. N. (2007). *Cennosti kul'tury i razvitie obshchestva [Cultural values and social development]*, Gos. un-t Vysshaya shkola ekonomiki, Izd. dom GU VShE, Moscow, 527 p. (in Russian).
35. Bureeva, M. S., Leont'eva, E. G., & Pushnyh, V. A. (2017). *Mezhkul'turnyj menedzhment [Intercultural management]: ucheb. posobie*, Tomskij poli-tehnicheskij universitet, Izd-vo Tomskogo politehnicheskogo universiteta, Tomsk, 207 p. (in Russian).
36. Kulikova, L. V. (2004). *Mezhkul'turnaya kommunikaciya: teoreticheskie i prikladnye aspekty. Na materiale russkoj i nemeckoj lingvokul'tur [Intercultural communication: theoretical and applied aspects. Based on the material of Russian and German linguocultures]: monografiya*, RIO KGPU, Krasnoyarsk, 196 p. (in Russian).
37. Kulikova, L. V. (2006). *Kommunikativnyj stil' v mezhkul'turnoj paradigmat [Communicative style in the intercultural paradigm]*, Krasnoyarskij gos. ped. un-t im. V. P. Astaf'eva, Krasnoyarsk, 392 p. (in Russian).
38. Trager, G., & Hall, E. (1954). "Culture and Communication: A Model and an Analysis", *Explorations*, № 3, pp. 157–249 (in English).
39. Lopuhova, O. G. (2015). *Psihologiya etnicheskogo samosoznaniya i mezhkul'turnogo obshcheniya [Psychology of ethnic identity and intercultural communication]: ucheb. posobie*, Izd-vo Brig, Kazan', p. 37 (in Russian).
40. Taratuhina, Yu., & Bleskina, I. (2017). "Principy dizajna krosskul'turnoj informacionno-pedagogicheskoj sredy" [Principles of design of a cross-cultural information and pedagogical environment], *Otkrytoe i distancionnoe obrazovanie*, № 2(66), pp. 58–64 (in Russian).

Вклад авторов

Н. В. Давыдова – автором проанализирован дидактический аспект культурного параметра «маскулинность/фемининность».

Н. А. Давыдов – автором проведен обзор публикаций по теме и уточнено понятие «маскулинность/фемининность».

Contribution of the authors

N. V. Davydova – the author analyzed the didactic aspect of the cultural parameter "masculinity/femininity".

N. A. Davydov – the author reviewed publications on the topic and clarified the concept of "masculinity/femininity".